

Апостол Японии и его миссия

Уникальность личности святителя [Николая \(Касаткина\)](#); 1836–1912) в том, что он один смог основать в далекой от родины стране, среди носителей иного языка и культуры отдельную Поместную [Церковь](#), основать там, где за принятие христианства по закону полагалась смертная казнь.

Представим, как миссионер появляется среди абсолютно чужих и не расположенных к нему людей, где откровенно не любят Россию, а веру христиан воспринимают как самое страшное зловерие. По словам самого святителя Николая, «тогдашние японцы смотрели на иностранцев как на зверей, а на [христианство](#) как на злодейскую [церковь](#), к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи»². Одной жалобы на чужака, проповедующего «Бога неведомого» ([Деян. 17:23](#)), было достаточно, чтобы пресечь здесь зарождаемое Православие. И вот проходит несколько десятилетий, и мы встречаем свидетельство посетившего Японию протоиерея [Иоанна Восторгова](#): «Не было человека в Японии

после императора, который пользовался бы в стране такую известностью, как глава Русской духовной миссии. В столице Японии не нужно было спрашивать, где Русская православная миссия, довольно было сказать одно слово «Николай»... И православный храм назывался именем «Николай»... даже само Православие называлось именем «Николай». Путешествуя по стране в одежде русского священника, мы всегда и всюду встречали ласковые взоры, и в словах приветия и разговора по поводу нас мы улавливали слухом среди непонятных слов и выражений незнакомого языка одно знакомое и дорогое: «Николай"»³.

Вот еще одно свидетельство: «Нам неоднократно приходилось быть свидетелями, как язычники, совершенно незнакомые владыке, с шумным восторгом приветствовали его на улице, и их мощное «банзай Николай» частенько раздавалось в японских кварталах. А дети, милые японские дети, постоянно окружали его кольцом и, как бабочки на огонь, вихрем неслись навстречу суровому на вид, но с добрым, ласковым сердцем святителю... Должно заметить, что непрерывный тяжелый апостольский подвиг, праведная жизнь, особая прозорливость, чему мы сами были неоднократно свидетелями, давно уже между верующими православной Японии составили убеждение, что святитель Николай особенно близок и угоден Господу, что Он его прославил небесною славою. Даже язычники, и те помещали в газетах его портреты с сиянием и нимбом и часто называли его «сей да кео» (более точно: «сэй да кёо». – *В.Д.*), то есть «святой архиепископ"»⁴.

Как мы видим, авторитет святителя [Николая \(Касаткина\)](#), заслуженный тяжелыми, непомерными трудами по духовному просвещению Японии, оказался настолько велик, что пред его личностью преклонялись не только христиане, но и язычники. Несомненно, что такой авторитет был заработан, если можно так выразиться, не только святой жизнью архиепископа Николая, но и его рассудительной миссионерской практикой.

В этой связи для нас крайне важно понять основные идеи и принципы, положенные в основу миссионерской деятельности святителя.

Какие воззрения, мысли, идеи наполняли деятельность святителя, служили основным стержнем его миссии в Стране восходящего солнца?

Прежде всего, следует сказать, что святитель [Николай Японский](#) в своей миссионерской практике учитывал опыт двух известных миссий XIX века: Алтайской, основанной преподобным Макарием (Глухаревым), и миссии святителя [Иннокентия \(Вениаминова\)](#) в Восточной Сибири и на Аляске.

Архимандрит Макарий (1792–1847) создал новые методы, использованные впоследствии другими миссионерами. Он начал свою деятельность с изучения языков отдельных племен кочевников, обитавших в районе Алтайских гор в Центральной Азии и исповедовавших языческий шаманизм. Особенностью его миссионерской практики было то, что он не гнался за количеством обращенных, но главное внимание уделял «качеству» – тщательной подготовке уверовавших к крещению. За 14 лет своего служения он крестил всего 675 взрослых человек, зато вера этих людей действительно была осмысленной и крепкой. В своем труде «Мысли о способах к успешному распространению христианской веры» преподобный Макарий поставляет основной задачей миссии постоянную заботу о новообращенных.

Его новаторством стало привлечение женщин к миссионерскому служению. Он развернул активную культурно-просветительскую деятельность: создал три школы и одну больницу. Желал открыть учебный центр, готовящий миссионеров, где изучались бы сельское хозяйство, медицина, патронаж. Пытаясь отвести людей от язычества, архимандрит Макарий снисходительно относился к инославным христианам: молился вместе с квакерами, думал об открытии в Москве центра с несколькими часовнями, в котором могли бы молиться одновременно последователи разных исповеданий.

Что касается святителя [Иннокентия \(Вениаминова\)](#), то, как и преподобный Макарий, он избегал поспешности при подготовке к крещению, так же вел [проповедь](#) на туземном языке и даже создал алфавит и письменность для алеутов. В своем «Наставлении священнику, назначенному для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру» святитель Иннокентий указал, что для миссионера необходимо хорошее знание языка и образа жизни язычников, а также их обычаев и религиозных представлений. Как мы знаем, во время путешествия в Японию еще молодой тогда отец [Николай \(Касаткин\)](#) лично познакомился со святителем Иннокентием, который поделился своим опытом и посоветовал перевести на японский язык [Священное Писание](#).

Особенностью практики святителя Иннокентия было то, что он не требовал от новообращенных строгого соблюдения тех церковных обычаев и предписаний, которых они не могли выполнить в силу сложившихся условий жизни (например, воздержания от мясной пищи во время поста, поскольку у алеутов это была основная пища). Святитель Иннокентий с уважением относился к местным обычаям и всячески уклонялся от связи с политикой.

Все эти особенности перенял и святитель [Николай Японский](#).

Как известно, на момент приезда святителя в Японию в 1861 году за принятие христианства здесь полагалась смертная казнь. В первые годы его пребывания на чужой земле [проповедь](#) Евангелия казалась совершенно немыслимой. И для успеха миссии необходимо было стать полностью своим для японцев.

В этой связи первым основополагающим принципом миссии является глубокое знакомство с культурой страны, в которую направляется миссионер. Что касается Японии, то в Россию поступали самые обрывочные о ней сведения. По словам святого Николая, представление русского человека о рядовом японце сводилось к образу «какой-то фигуры в халате, с косичкой на маковке, смешно приседающей и хихикающей»⁵. Это происходило от недостатка знаний о Японии. Поэтому следовало, по мысли святителя, «изучить не костюм и внешние приемы японца, а его дух в историческом развитии, словом – изучить его литературу»⁶. Вот на это и обратил основное внимание [Николай \(Касаткин\)](#). Он преуспел настолько, что, по замечанию японской печати, знал историю и культуру Японии лучше многих японцев. Как отмечает профессор К. Накамура, святитель был чуть ли не «единственным христианским миссионером, обладающим в эпоху Мэйдзи таким глубоким пониманием Японии»⁷. Святитель Николай думал даже о фундаментальном труде по Японии, где она была бы рассмотрена «в географическом, этнографическом и историческом отношении»⁸. Такой труд не удалось реализовать, но несколько научных работ, посвященных истории Японии, святитель все-таки написал, например: «Япония с точки зрения христианской миссии», «Докладная записка иеромонаха Николая директору Азиатского департамента П.Н. Стремоухову», «Сёгуны и микадо. Исторический очерк по японским источникам». Кстати, исходя из имеющихся в его распоряжении фактов, святитель Николай провидчески предсказал в скором будущем объединение страны под легитимной властью императора и неминуемое открытие Японии для иностранцев.

В целом до активной [проповеди](#), по совету святого [Иннокентия \(Вениаминова\)](#), просветителя алеутов, святитель Николай восемь лет изучал язык и культуру Японии. Все это время он занимался по 14 часов в сутки: «Я старался сначала со всей тщательностью изучить японскую историю, религию и дух японского народа, чтобы узнать, в какой мере осуществимы там надежды на просвещение страны евангельской проповедью, и чем больше я занимался со страной, тем более убеждался, что близко время, когда слово Евангелия громко раздастся там и быстро пронесется из конца в конец империи»⁹.

Вторым главным принципом миссионерской работы святитель Николай принял для себя полный отказ от какой-либо политики. Если ты хочешь проповедовать Христа, если хочешь вести людей к Богу, откажись от политики. Святитель писал о том, что [христианство](#) в прежние времена было изгнано из Японии прежде всего как политическое учение, возмущавшее народ против властей, подготавливающее страну к завоеванию ее иностранцами¹⁰.

На этом стоит особо остановиться. Дело в том, что эпоха святого Николая – это уже вторая волна христианской проповеди в Японии. Впервые [христианство](#) в католической форме проникло туда в XVI веке, нашло для себя благоприятную почву¹¹. К концу XVI века в Японии уже насчитывалось около 200 тысяч христиан и 200 церквей. Во времена наибольшего распространения христианства количество новообращенных в этой стране достигало 300 или 600 тысяч, по разным источникам¹². Но, к сожалению, католические миссионеры, проповедуя Евангелие, часто применяли далеко не евангельские средства.

Религию они смешивали с политикой, пытались вмешиваться в дела светского управления, интриговали при дворе князей, использовали ложь и подкуп. Придерживаясь принципа «цель оправдывает средства», иезуиты привлекали к себе подарками и несбыточными обещаниями. Большой вред [проповеди](#) принесли европейские торговцы, относившиеся к местному населению с ненавистью и презрением. Они открыто похищали к себе на корабли японских женщин, а португальцы даже продавали японцев в рабство в Индию¹³. Получилось так, что в сознании японцев слова «христианин», «европеец», «грабитель», «колдун» на какое-то время стали синонимами. В итоге японцы почувствовали угрозу своей национальной и государственной самостоятельности. В 1587 году верховный правитель Японии Тоётоми Хидэёси издал указ об изгнании иностранцев из страны и запрете распространения христианства. Последовало жесточайшее гонение на христиан: на протяжении нескольких десятилетий было замучено около 280 тысяч человек. [Христианство](#) объявили «развращенной сектой» и запретили под страхом смертной казни. Для японцев оно стало темным пятном в прошлом нации. С конца XVII века оно считалось полностью уничтоженным, а иностранцам был закрыт въезд в страну¹⁴.

Только в середине XIX века японское правительство вновь стало входить в торговые отношения с европейскими державами. В 1858 году был подписан трактат между Японией и Россией, а в 1859 году русский консул в Хакодате впервые в истории Японии построил православный храм.

И как же предстояло действовать святителю Николаю? Он видел, что в прошлые века правители Японии боролись не столько против Христовой истины, сколько за политическое благополучие своей страны. И потому сам святитель полностью отказался от политики. Ни одного даже малейшего дела не было предпринято, чтобы в чем-то ущемить положение Японии в пользу политики Российской империи.

Конечно, в какой-то мере [проповеди](#) святителя Николая благоприятствовали именно политические реформы в Японии. Так называемое «открытие» Японии, последовавшее за ним в 1868 году падение сёгуната, восстановление императорской власти изменили бывшую до того ситуацию. Началась эпоха Мэйдзи – «просвещенного правления». Япония стала ориентироваться на Запад, знакомиться с тем, что предлагает Европа. Изменение внутренней обстановки в стране способствовало миссии. В этой ситуации святитель решился на основание официальной православной духовной миссии. Но это был Божий Промысл, сам же [Николай \(Касаткин\)](#) в политику никогда не вмешивался.

Подтверждением полной аполитичности святителя стала русско-японская война 1904–1905 годов, в самом начале которой святитель Николай разослал по всем приходам Японской Православной Церкви Окружное письмо, в котором, основываясь исключительно на христианских идеалах, благословлял японских христиан исполнить свой долг перед родиной. Он писал: «Кому придется идти в сражения, не щадя своей жизни, сражайтесь – не из ненависти к врагу, но из любви к вашим соотчичам... [Любовь](#) к отечеству есть святое чувство...» А ведь речь здесь, по сути, идет о том, чтобы поражать на фронте русских людей. Правда, дальше святитель продолжал: «Но кроме земного отечества у нас есть еще отечество небесное... Это отечество наше есть [Церковь](#), которой мы одинаково члены и по которой дети Отца Небесного действительно составляют одну семью... И будем вместе исполнять наш долг относительно нашего небесного отечества, какой кому надлежит... И вместе с тем будем горячо молиться, чтобы Господь поскорее восстановил нарушенный мир...» Святитель прекратил на время войны всяческую переписку с Россией и всецело посвятил себя переводческой работе.

Третий миссионерский принцип – это полная искренность и открытость, никаких искусственных приемов, никакой фальши, интриг или обмана ради видимой выгоды. Казалось бы, все это так понятно, но вспомним, какие ошибки были допущены в прошлом. В свое время католики при обращении японцев не гнушались ложными чудесами и фокусами с использованием научных достижений европейцев.

В своей статье «В Японии жатва многа...» святитель Николай так описывал методы миссионерской деятельности западных проповедников: «Католические миссионеры в самом деле без зазрения совести и очертя голову пользовались как вспомогательным средством к обращению народа в католичество превосходством европейских технических и физических наук перед японскими, выдавая разные фокусы за чудеса. Показывают, например, японцу зеркало, на котором под политурую искусно нарисована видимая только при известном освещении голова лошади. «Смотри, – говорят, – на что ты похож». Японец приходит в ужас от своего душевного безобразия. «Молись же, – продолжают, – если не хочешь остаться скотом». Японец усердно начинает твердить: «Сенсубари, сенсубари» (должно быть: Jesus Maria или Sancta Maria). Когда затем, по прошествии назначенного срока, проведенного в молитве, он снова является к миссионерам, то, к несказанной радости, видит себя в зеркале уже не лошадью, а ангелом. Умели также миссионеры под видом сверхъестественных чудес показать в комнате море, гору и т.п. Все это принесло очень горькие плоды! Стоит послушать в настоящее время признания японцев и особенно японок, с каким страхом они в первое время по прибытии иностранцев прятались от них, воображая в них, как в христианах, колдунов, способных на все»¹⁵.

Поэтому архиепископ Николай всячески сторонился какой-либо фальши, искусственности, особенно же испытывал отвращение к искусственному усилению эффекта проповеди. Собственно, в этом и не было никакой нужды, потому что благодать Божия действовала в недрах Японской Церкви, по замечанию святителя, так же явно, как и в Русской Церкви, что, в частности, выражалось в чудесах посредством святых таинств: «Чудеса в Русской Церкви не редкость, но совершаются ли они по молитвам священников или по вере других, это трудно определить, ведь чудотворцы не выставляют себя – они скромны и приписывают не себе чудеса, а благодати Божией, которая и есть творящая их сила. Ведь и в Японской Церкви совершаются чудеса, особенно от таинства елеосвящения: когда оно совершается над больным, тогда непременно или происходит выздоровление, или же облегчаются страдания. Удостоившиеся благодати творить чудеса, обыкновенно, горят любовью к Спасителю и находятся в преискреннем общении с Ним чрез таинство Евхаристии»¹⁶.

Самое же важное то, что учение Спасителя видимым образом преображает людей. И святитель в качестве наглядного примера приводит молодую женщину-японку, больную смертельной болезнью – чахоткой, у которой вместо ропота на лице была ангельская улыбка: «Только праведницы могут так тихоскромно и блаженно радоваться! И

это дает людям Христово учение – какой бесценный дар, и что еще нужно больше? А люди так мало ценят его; им бешеная погоня за радостями мира сего милее, несмотря на едкую горечь на дне сих радостей!»¹⁷.

Четвертый принцип – внешняя лояльность к традиционным религиям Японии. Святитель никогда не начинал с огульной критики местных религий. Чтобы это понять, придется опять обратиться к контрастам, иначе мы не объясним некоторых особенностей проповеди святителя Николая. В XVI веке католические миссионеры жестоко преследовали адептов и жрецов языческих религий. Они высмеивали и преследовали бонз, называя их дьяволами, подстрекали новообращенных к поруганию туземных богов, уничтожению языческих идолов и другими способами демонстрировали крайнюю нетерпимость к японской религии. Все это только обостряло отношения между коренным населением и иноземцами, несущими какую-то новую, агрессивную, как им казалось, веру.

В свою очередь, святитель Николай, углубляясь в сущность религий, господствовавших в Японии на протяжении веков, замечал в них зерна истины, добра и правды, искренних духовных исканий. Святитель не обличал огульно синтоизм, буддизм и конфуцианство, но пытался показать японцам их недостаточность и неполноценность. [Христианство](#) представало как религия, удовлетворяющая всем исканиям человеческой души, чего не могли дать другие религии. В этом отношении показательна первая миссионерская беседа святителя со жрецом Савабе, ставшим первым христианином. Святой Николай не набросился с критикой на его религию, а предложил разобраться в христианском учении, которое Савабе огульно отрицал. Потом самому Савабе было дозволено читать Евангелие во время его языческих служений. Сам Павел Савабе впоследствии вспоминал: «Открыто читать эту книгу (Евангелие) я не мог, а читать хотелось. Вот я и выдумал читать ее в то время, когда совершал службы в своем мия (то есть в языческом храме. – В.Д.). Положишь, бывало, перед собой Евангелие вместо языческого служебника, да и читаешь, постукивая в обычный барабан. Никто и не думал, что я читаю иностранную «ересь»»¹⁸.

Пятый принцип – терпимое отношение к инославию – католичеству и протестантизму. «Инструкции Российской духовной миссии в Японии» прямо запрещали какие-либо дискуссии. Так, в § 26 «Инструкций» сказано: «Вменяется в обязанности миссионерам всячески избегать неприязненных столкновений с инославными вероучителями в стране и таких действий по отношению к ним,

которые были несообразны с духом истинной веры; при свиданиях с ними благоразумнее воздерживаться от религиозных словопрений».

Почему? Опять придется обратиться к опыту прошлого. Католические миссионеры прошлых веков постоянно ссорились между собой. Поскольку здесь появились представители разных католических орденов – августинского, доминиканского, францисканского и иезуитов, на почве соперничества возникали междоусобицы. Случались даже взаимные отлучения от Церкви. Кроме того, с появлением в Японии протестантов (англичан и голландцев) у японцев вызывало недоумение существование в христианстве самых разных направлений, проповедники которых, вроде бы провозглашая любовь к ближним и веру в Иисуса Христа как единого Бога, в то же время ненавидели друг друга до такой степени, что эта ненависть выражалась в Европе в кровопролитных религиозных войнах между католиками и протестантами. И как после этого оставалось поступать святителю Николаю?

Его веротерпимость была продиктована той очевидной истиной, что в стране нехристианской по своей сути вдаваться в раздоры с иными христианскими конфессиями означало, во-первых, возможный политический конфликт и интриги, а во-вторых, подрывало само доверие к христианству, в котором препираются друг с другом те, кто вроде бы веруют в одного Иисуса Христа. Святитель даже допускал, что иные конфессии не лишены Божией заботы, ибо Бог есть везде, где делается добро: «Католичество и протестантство ныне в мире в полном расцвете. Миллионами образованных умов, развитых сердец и крепких волей они обладают и располагают. Что же удивительного, что они везде имеют успех? Это – туча, нависшая над миром. Но Бог допускает это. Даже больше! **Бог**, вероятно, и помогает доброму в католичестве и протестантстве, ибо доброе везде – Божие»¹⁹.

Вместе с тем, святитель свято верил в истинность Православия. Ему даже казалось, что Православие должно со временем объединить в себе иные конфессии: «Обладание истиной должно доставлять спокойствие, иначе мы сами не верим в свое обладание. Придет время: образованные умы, ныне служащие инославию, сами же разнесут его по клочкам как ложь, а наши невежественные умы православные разовьются и отразят весь блеск Православия – и пойдет оно волнами света по лицу земли – не облаками и тучей. Вместо католического рабства узнают люди подчинение истине, вместо протестантского своеволия возлюбят свободу. Так не печалиться же, а делать спокойно свое дело с радостною уверенностью в будущей победе. Мир принадлежит истине, а не лжи; истина же в Православии, но нужно, чтобы истина постепенно овладела миром: скороспелое и

насильственное завоевание не прочно. Православное миссионерство должно быть делом всей Русской Церкви – не разных hoard of Missions и тому подобных мелких делений. Но нужно, чтобы в сознание Русской Церкви вошла обязанность миссионерства»²⁰.

Святителю приходилось бывать у католиков и протестантов на их собраниях. В этой связи ему пришлось решать вопрос возможности совместной молитвы. И этот вопрос он разрешает так: «...на категорический вопрос: «Где еще нет православной общественной молитвы, можно ли молиться с протестантами?» – отвечать: «Можно, но только по-православному, с положением крестного знамения на себя и прочее, отнюдь не по-протестантски, пока мы будем там иметь наши собственные (молитвенные места. – В.Д.)»²¹.

Однако святителя нельзя назвать экуменистом. Сами инославные исповедания он определял порой очень жестко и резко: «Католичество – яд мира, и... ему предстоит то же, что было с ересью Ария, то есть исчезновение из мира»²²; «Протестантство – клоака, из которой – если порядочно засосет человека – нет ему спасения...»²³.

Вот еще черта миссионерской практики святителя: он не чуждался советоваться со своей японской паствой по тем вопросам, которые имели ключевое значение для воцерковления японцев.

Например, при переводе [Священного Писания](#) и богослужебных книг ряд трудностей был связан с тем, что многие иероглифы на протяжении веков использовались буддистами и синтоистами. Это придавало некоторым японским терминам определенный нехристианский смысловой оттенок, что делало рискованным их употребление в православном контексте. В таких ситуациях святитель рассылал перевод того или иного стиха или понятия по японским приходам, прося духовенство и мирян высказаться о восприятии перевода.

Сам перевод богослужебных текстов – едва ли не ключевой принцип миссии в иноязычной стране. С этим напрямую связано понимание веры. И будет не лишним вспомнить, как святитель переводил некоторые христианские понятия.

Допустим, как перевести ключевое для христиан слово «Бог»?

У японцев наиболее употребительным наименованием божества являлся термин «ками», то есть нечто высшее, верховное (например, духи природы, не трансцендентные, а посюсторонние; нечто высшее в своем роде: высокое дерево, огромный камень – то, в чем проявлена природа в высшей степени; даже начальников могли так называть); но использовалось также выражение «сю», обозначающее хозяина, господина, владыку, имеющего вассальных слуг, о которых он заботится. «Сю» подчеркивает господство, контроль над ситуацией.

Так вот, в православном переводе святитель Николай употребил именно термин «Сю», подчеркивающий Божественное Промышление о созданных Богом мире и людях. Интересно заметить, что после такого перевода святителя Николая христианский [Бог](#) уже во всех переводах христианских вероисповеданий на японский язык именуется «Сю» (кстати, епископ именуется «сю-кё», то есть главный вероучитель, управитель веры)²⁴.

В Хакодате богослужение сначала совершалось на церковнославянском языке, на японском же пелись и читались только «Господи, помилуй», «Святой Боже», «Верую» и «Отче наш». При переводе самой короткой и распространенной в богослужении молитвы «Господи, помилуй» возник вопрос: как переводить слово «помилуй»? Ведь можно было перевести в том смысле, как помилование преступника. Святитель Николай говорил: «У нас таких отношений с нашим Богом нет. Мы возьмем слово «аварема». Так мать «милует» ребенка, «жалует» в исконном древнерусском смысле»²⁵.

Святитель считал недопустимым примитивизацию священных текстов при переводе на новый язык, но необходимым выработать в рамках японского языка особый церковный язык. Как ни странно, современные невоцерковленные японцы с трудом понимают богослужебные японские тексты. Сам святитель говорил так: «Не перевод Евангелия и богослужения должен опускаться до уровня развития народной массы, а наоборот, верующие должны возвышаться до понимания евангельских и богослужебных текстов. Язык вульгарный в Евангелии недопустим. Если мне встречаются два совершенно тождественных иероглифа или выражения и оба они для японского уха и глаза одинаково благородны, то я, конечно, отдам предпочтение общераспространенному, но никогда не делаю уступок невежеству и не допускаю ни малейших компромиссов в отношении точности переводов, хотя бы мне и приходилось употребить и очень малоизвестный в Японии китайский иероглиф. Я сам чувствую, что иногда мой перевод для понимания требует большого напряжения со стороны японцев. Но это в значительной мере объясняется новизной для них самого Православия»²⁶.

По мнению святого Николая, будущее Православия на японской земле всецело зависит от тех людей, которые будут его представлять. В этой связи особые надежды он возлагал на самих японцев, принявших Евангелие: «Приступая к делу миссии, в числе туземцев, прежде всего, должно искать таких людей, которые способны были бы, приняв христианскую веру, сами в свою очередь послужить для распространения ее. На них, как скоро они найдены, миссионер по преимуществу не должен щадить ни своего времени и труда, ни своих

материальных средств, какими может располагать, – это его будущие помощники в деле проповеди, катехизаторы. В первое время, пока христианскому проповеднику не дозволено еще открыто являться пред народом с проповедью, на этих-то катехизаторах по преимуществу основывается надежда на возможное расширение пределов проповеди: достаточно наученный вере и, для большей свободы в употреблении времени и сил своих на дело служения вере, обеспеченный дневным пропитанием катехизатор под руководством миссионера может делать у себя веропроповеднические собрания для своих знакомых, входить в другие дома с проповедью и даже, по мере возможности, отправляться для проповеди в другие города и селения» (Инструкции. § 12). Увы, этот принцип перестал действовать успешно со [смертью](#) святителя. К настоящему времени численность православных японцев не достигает того, что было при жизни святителя.

А ведь сам архиепископ Николай воспринимал миссионерское служение как исполнение Евангелия, как совершение той миссии, которая продолжает на земле дело Христа. «Я счастлив, что имею радость служить водворению Царства Божия на земле. Нет важнее сего служения на земле. Для него [Бог](#) облекся в человеческую плоть и Сам непосредственно нес его, для продолжения его Он избрал святых апостолов, и они, по Его наставлению, поставляли себе преемников и заповедали делать то же в роды родов и до скончания мира. Поприще сего служения – весь мир, всем народом должно быть проповедано Евангелие Царства Божиего... Мы не можем просить у Бога и Его святых угодников, чтобы они устранили с нашего миссионерского пути все трудности и все, что может причинить нам душевные страдания, мы можем только молить, чтобы Он облегчил нам несение креста, помогая переносить трудности и сопряженные с ними душевные страдания, какие предлежат нам на миссионерском пути. Наше служение есть рождение духовных чад Богу – какое же рождение не сопряжено с муками? И на них мы заранее должны быть готовы»²⁷.

В народной среде, к сожалению, нередко можно услышать пессимистичные рассуждения о наступающем конце света, из чего всегда следует вывод, что ни за что браться не надо, поскольку конец уже наступает. Нагнетаемый эсхатологизм никогда не способствовал активизации миссии, напротив – он парализует волю к действию. В противовес этому активная миссионерская деятельность святителя способствовала его оптимистичному взгляду на жизнь: «Но все же таки неправда, что «близок конец мира». Временное это»²⁸.

Близость конца света святитель отрицал на том основании, что многие народы земли еще не знают Евангелия: «Моя мысль и мое твердое убеждение, основанное на слове Божиим, то, что все народы в

мире и каждый народ в отдельности непременно должны услышать Евангелие, а какой степени христианизации достигнет каждый народ, это зависит от свойств его, от того, широко или узко он отверзает свое сердце для принятия благодати Божией. Но отдельных святых личностей... непременно должен дать каждый народ, хотя бы он в массе не был высоко достоин перед Богом»²⁹.

* * *

При канонизации в 1970 году архиепископ [Николай \(Касаткин\)](#) был прославлен в чине равноапостольных. То есть святая [Церковь](#) признала в нем угодника Божия, подъявшего труды, сопоставимые по своей значимости с трудами апостолов. Неофициально его еще при жизни в русской церковной литературе называли апостолом и просветителем Японии. Святитель Николай показал, что и в условиях современной цивилизации, в эпоху торжества рационализма и безверия можно осуществлять апостольское служение. А сам факт рождения новой Православной Церкви в данную эпоху является, по словам архиепископа Антония (Мельникова), настоящим «чудом Божиим»³⁰.

Как хотелось бы, чтобы и в наши дни, когда прошло ровно 100 лет со дня преставления святителя [Николая Японского](#), совершилось бы точно такое же чудо и чтобы в наши дни были люди, готовые самоотверженно совершать апостольское служение в проповеди веры Христовой.

* * *

1

Формально православная миссия в Японии (основанная в 1870 г.) подчинялась Камчатской епархии; только в 1970 г. [Церковь](#) в Японии получила автономию (тогда же прославлен и святитель Николай), но по существу с самых же первых лет она реализовывала свою жизнь как автокефальная [Церковь](#).

2

Платонов А. Апостол Японии. Очерк жизни архиепископа Японского Николая. Пг., 1916. С. 9–11. Нередки были случаи убийств иностранных граждан-иноверцев. См., напр.: Известие из Японии // Морской сборник. СПб., 1859. № 12. С. 106–109; Плавание эскадры Сибирской флотилии к японским берегам летом 1859 года и убийство в Канагаве мичмана Мофета // Морской сборник. СПб., 1860.

3

Восторгов И. Один из великих (Памяти архиепископа Николая) // Церковные ведомости. 1912. № 6. С. 96.

4

Жизнеописание отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв. Дополн. том. Ч. 1. Кн. 2: Июль-декабрь. М., 1912. С. 58.

5

[Николай \(Касаткин\)](#), иеромонах. Сёзуну и микадо. Исторический очерк по японским источникам // Русский вестник. 1869. № 11. С. 207.

6

Там же.

7

Накамура К. Дневники святого [Николая Японского](#) // Дневники святого [Николая Японского](#): В 5-и т. СПб., 2004. Т. 1. С. 38. Мэйдзи – эпоха просвещенного правления, названная так по имени императора Мэйдзи, правившего с 1868, способствовавшая открытию Японии европейцам с их научными и культурными достижениями.

8

Дневники святого [Николая Японского](#). Т. 1. С. 323.

9

[Николай \(Касаткин\)](#), иеромонах. Япония с точки зрения христианской миссии // Русский вестник. 1869. Сентябрь. С. 14; также: Николай-до: святитель [Николай Японский](#). Краткое жизнеописание, выдержки из дневников. СПб., 2001. С. 23.

10

«В Японии жатва многа...»: Письмо русского из Хакодате (письмо иеромонаха Николая преосвященному Исидору от 15 июля 1868 г.) // Христианское чтение. 1869. № 2. С. 24.

11

Первым из католических миссионеров был Франциск Ксавье (один из сподвижников основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы), ступивший на японскую землю в 1549 г. Позже в Японию прибыли католические миссионеры других орденов (францисканцы, доминиканцы и августинцы), а также протестанты.

12

Горегляд В.Н. Миссионерство христианских конфессий в Японии (аспекты местной специфики) // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Белгород, 1999. С. 139.

13

Недачин С. Православная [Церковь](#) в Японии. СПб., 1991. С. 7.

14

Кондрашов И., протоиерей. Архиепископ [Николай \(Касаткин\)](#) – апостол Японии. Л., 1965. С. 19.

15

«В Японии жатва многа...» С. 59.

16

Дневники святого [Николая Японского](#). Т. 5. С. 436, 447.

17

Дневники святого [Николая Японского](#). Т. 2. С. 784.

18

Чех Александр. Краткое жизнеописание святителя [Николая Японского](#)// [Николай Японский](#), святитель. Краткое жизнеописание. Дневники 1870–1911 гг. СПб., 2007. С. 22.

19

Дневники святого [Николая Японского](#). Т. 2. С. 290.

20

Там же.

21

Дневники святого [Николая Японского](#). Т. 3. С. 225.

22

Там же. С. 777.

23

Дневники святого [Николая Японского](#). Т. 4. С. 426.

24

Антоний (Мельников), митрополит. Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай // Богословские труды. Сб. 14. 1975. С. 53.

25

Чех Александр. Краткое жизнеописание святителя [Николая Японского](#). С. 37.

26

Там же. С. 38.

27

Там же. С. 32.

28

Дневники святого [Николая Японского](#). Т. 5. С. 598.

29

[Никон \(Рождественский\)](#), архиепископ. Святитель [Николай Японский](#) о кончине мире и грядущих судьбах России. М., 1996. С. 13.

30

Антоний (Мельников), митрополит. Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай. С. 9.

Священник Валерий Духанин.